

РАССКАЗЫ У ВОДЫ

У ВОДЫ

Четырнадцать историй о тишине, реке
и большом клёве

Сборник рассказов о рыбалке

МАКСИМ БАЙТОВИЧ

Максим Байтович

**У воды. Четырнадцать историй
о тишине, реке и большом клёве.**

«Автор»

2026

Байтович М.

У воды. Четырнадцать историй о тишине, реке и большом клёве. /
М. Байтович — «Автор», 2026

Что мы ищем, когда берём удочку и уходим к реке? Не только рыбу. В этих рассказах — тихий вечер у костра, первое утро с дедом, ночной клёв, когда река начинает разговаривать с тобой сама́, золотой закат, серебристый бок леща, который отпускаешь обратно, уха, сваренная «по-стариковски», и мальчишка, вытаскивающий своего первого окуня. Четырнадцать историй о терпении, внимании и честности — о том, что вода дарит каждому, кто умеет ждать и слышать. Для тех, кто сидел с удочкой на рассвете, и для тех, кто только собирается выйти к воде.

© Байтович М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ	5
РАССКАЗ ВТОРОЙ	6
РАССКАЗ ТРЕТИЙ	7
РАССКАЗ ЧЕТВЁРТЫЙ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Максим Байтович

У воды. Четырнадцать историй о тишине, реке и большом клёве.

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

Первое утро

Мне было семь лет, и я впервые держал в руках настоящее удилище. Не игрушечное, не бамбуковое колено от старой оснастки — а лёгкое, тёмно-зелёное, с пробковой рукояткой, пахнущей лаком и мокрым деревом. Дед вручил его мне так торжественно, что я понял: это не предмет. Это пропуск.

Мы вышли затемно. В полчетвёртого утра деревня ещё дышала сном, и только туман гулял между заборами, белый и плотный, как молоко. Дед шёл впереди с рюкзаком, я — за ним, прижимая удилище к груди, чтобы не зацепить комлем за кусты. Сапоги были велики на два размера, и я утопал в них, как вёсла, но не жаловался. Жаловаться было нельзя. Это я понял тоже в то утро, хотя тогда ещё не умел назвать это словом.

Река встретила нас запахом тины и свежести. Вода стояла тёмная, почти чёрная, и над ней низко висел туман, разорванный на длинные космы. Дед не спешил. Он сел на корягу, достал трубку и долго смотрел на воду, будто о чём-то договаривался с ней. Я топтался рядом, нетерпеливый, как все семилетние, и уже почти спросил «когда же», как вдруг заметил: вода зашевелилась.

Сначала я подумал, что это коряга. Но круг на воде рос, расходился кольцами, и в самом центре, в самой середине, — что-то мелькнуло, тёмное и живое. Блеснула спина, блеснул хвост, и снова всё замерло. Только круги остались, медленные, почти невесомые.

— Вот она, — тихо сказал дед. — Утро начинается.

Мы не поймали в то утро ничего. Ни одной рыбы, если честно. Дед объяснил мне, как насаживать червя, как подсекать, куда ставить поплавок, — и всё это было волнительно и непонятно, как урок иностранного языка. А червяк в моих пальцах извивался, и мне было и страшно, и смешно, и я в конце концов насадил его криво, за что получил дедовское «не спеши, иначе и крючок зря». Поплавок мой так ни разу и не нырнул.

Но я запомнил другое. Я запомнил, как туман таял на глазах, как вода из чёрной стала серой, потом синей, а потом пошла рябью от ветра. Как дед молчал, и это молчание было тёплым, а не пустым. Как я впервые в жизни понял, что можно сидеть на берегу два часа и не скушать, потому что здесь, оказывается, есть чему радоваться, даже когда ничего не происходит.

Мы вернулись к обеду. Бабушка встретила у калитки:

— Ну что, рыбак? — И, глядя на пустое ведро, добавила без всякой насмешки: — Главное, клёв был. — И хотя клёва не было, я кивнул так, как будто он был. Потому что за это утро я понял: у воды человек становится другим. Не обязательно лучше. Но другим. Так мне тогда казалось — и, пожалуй, так оно и есть.

С того лета я стал «рыбаком» в глазах деревни, хотя долго ещё ничего не мог поймать. Но это уже не имело значения. Пропуск был у меня в руках.

РАССКАЗ ВТОРОЙ

Река имени деда

В нашей деревне у каждой реки было два имени. Одно — на карте, сухое и казённое. Другое — живое, местное, которое знали только свои. Нашу реку на картах не значили вовсе: неширокая, извилистая, с двумя мельницами, давно умершими, она терялась среди лесов и оврагов, и если бы не рыба, о ней не вспомнил бы никто.

Мы звали её Дедкиной рекой. Не потому, что она принадлежала деду — она не принадлежала никому, — а потому, что он знал её, как свои пять пальцев. Он мог сказать, где на глубине метр, а где — шест идёт вниз без дна. Где под мостом стоит судак, а где на перекате держится голавль. Он смотрел на воду и читал её, как письмо, написанное для него одного.

Я вырос на этой реке. На ней я научился закидывать, на ней же — и не срываться, когда крючок уходит в корягу, а заодно и понимать, что есть вещи, которых не достанешь, и с этим надо просто жить. Река была моей первой учительницей терпения. Она не разговаривала, но терпеливо отвечала — правда, только тем, кто готов был сидеть и ждать.

Дед показывал мне её секреты как святыни. «Здесь, — говорил он, тыкая пальцем в изгиб берега, — вода крутится назад. Мусор сюда приносит, а значит, и рыбу». И правда, мусор приносило: то ветка, то пузырь, то целое бревно. А вместе с ним — и жирного леща, который любил ковыряться в нанесённом берегом добре.

Он учил меня читать воду, как учат читать буквы. Вода, объяснял он, состоит не из волн и не из течения. Она состоит из характеров. Бывает вода ленивая, бывает жадная, бывает злая. Бывает честная — смотрит на тебя сверху и ничего не скрывает. Бывает хитрая — течёт спокойно, а под ней чёрная яма. С ямами он не шутил. И я не шучу до сих пор.

Дед ушёл, когда я был уже взрослым. Река осталась. И вот что странно: после него я ничего в ней не переименовал. Плесы, перекаты, омуты — всё носило его имена, потому что это он их дал. А тот изгиб, где вода крутится назад и где он впервые показал мне глубокого леща, я по-прежнему называю — как ни смешно — «дедушкин стол».

Иногда приезжаю туда, ставлю лодку и просто смотрю, как вода кружится на изломе берега. Не ловлю. Смотрю. И мне кажется, что из тумана сейчас выйдет старик с трубкой, сядет рядом и скажет: «Не спеши, иначе и крючок зря». А я никуда не спешу. У меня есть всё время мира — здесь, на реке, которая носит его имя.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

Тихая вода

Есть озёра, о которых не рассказывают. Не потому, что они запретные или опасные, — а потому, что о них просто нечего рассказывать, и в этом вся их сила. Одно такое озеро я нашёл случайно, заблудившись в незнакомом лесу, и с тех пор возвращаюсь к нему каждый год, хотя на картах оно не значится, а дороги к нему нет даже в лучшем смысле этого слова.

Когда я вышел к озеру в первый раз, было тихо настолько, что я слышал собственное сердце. Вода лежала неподвижная, как стекло, и в ней отражались небо и деревья так точно, что я на мгновение испугался: а не иду ли я по небу, перевёрнутому вниз головой. В середине озера росла старая кувшинка, и от неё шла длинная тень, почти до самого берега.

Я не сразу понял, что это озеро — особенное. Просто сел на берег, забросил поплавков, и стал ждать, как всегда. Но через час понял: поплавков стоит как вкопанный. Не клюёт. Ни удочки, ни листика, ни звука. Такое озеро называют «мёртвым», но слово это неправильное. Такое озеро называют «тихим» — в том смысле, что оно бережёт себя для чего-то, чего я пока не понимаю.

Я уже собрался было встать, как вдруг увидел её. Большая, тёмная, неподвижная, она стояла в полуметре от моих ног, в мелкой прибрежной воде, и смотрела на меня. Не щука, не плотва — что-то крупное, старое, серебристо-зелёное. Мы смотрели друг на друга, может быть, минуту. Потом она медленно повернулась — в воде блеснул её круглый бок — и ушла в глубину, не сделав ни круга, ни всплеска. Просто исчезла, как будто её и не было.

Я переводил дыхание ещё долго. Не от страха и не от восторга. От того, что это озеро только что что-то мне показало. Что-то, что не показывают обычные, «рыбные» места, где всё подчинено делу и счёту.

С тех пор я приезжаю на это озеро редко и молчу. Я не ловлю там. Только сижу. Там, в тихой воде, я научился главному, что понимает каждый настоящий рыбак, но что трудно объяснить тому, кто никогда не стоял с удочкой на рассвете: есть места, куда приходят не за рыбой. Приходят за тем, чтобы услышать себя. И рыба там — не добыча, а гость. Как и я.

Однажды я спросил старого егеря, знает ли он такое озеро — большое, тихое, где стоит большая старая рыба. Он долго молчал, тёр ладонью щетину, а потом ответил просто:

— Тихое озеро не спрашивает, зачем ты пришёл. Оно знает. И если ты хороший человек — оно покажет тебе то, что нужно.

Я не знал тогда, что он имел в виду. Не знаю и сейчас. Но каждую осень я возвращаюсь к тихой воде — и каждый раз она мне что-то показывает. Может быть, когда-нибудь я пойму, что именно.

РАССКАЗ ЧЕТВЁРТЫЙ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.